

6+

Олег Аннондов

Тимофей Аннондов

ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ...

Олег Антонов
Тимофей Антонов
Истории, которые...
Книга о том, как падать
красиво и вставать не сразу

*<https://litres.ru/74269143>
ISBN 9785007043755*

Аннотация

«Эта книга не торопит. Она просто стоит у тропинки, как старый пенёк, и ждёт.»

«Истории, которые...» — книга о том, как падать красиво и вставать не сразу. Вместе с зайцем в пустых очках, лисой с вечным блокнотом и кошкой, падающей в кусты с достоинством, вы пройдёте путь от первой неуклюжей ошибки до смелости быть собой.

Три книги. Одна поляна. Лес, который никогда не осудит.
Для тех, кто устал от «надо». И для тех, кто забыл, что падать — разрешено.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ (или Как войти в Лес, не споткнувшись о ветку)	5
КНИГА ПЕРВАЯ. ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ СМЕЮТСЯ САМИ	7
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2. ЛОВУШКА ДЛЯ ХИТРЕЦА	15
ГЛАВА 3. ВЕЛИКАЯ ЛЕСНАЯ ВЕЛОГОНКА	23
ГЛАВА 4. КОНКУРС ЛЕСНОГО ЮМОРА	30
ГЛАВА 5. НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ	40
ГЛАВА 6. КАК ШУСТРИК УСТРОИЛ СНЕЖНУЮ БУРЮ... СЛУЧАЙНО	49
ГЛАВА 7. С ДНЁМ МЕДОВИНЫ, МИШКА!	58
ГЛАВА 8. ТЫКВА, КОТОРАЯ СВЕТИЛАСЬ ИЗНУТРИ	65
ГЛАВА 9. ТИМОХА БЕЗ САМОКАТА	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Истории, которые...
Книга о том, как падать
красиво и вставать не сразу

Олег Антонов
Тимофей Антонов

Иллюстратор Олег Антонов

© Олег Антонов, 2026

© Тимофей Антонов, 2026

© Олег Антонов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-4375-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ (или Как войти в Лес, не споткнувшись о ветку)

Эта книга не торопит.

Она не кричит с обложки. Не требует, чтобы ты прочитал всё за один присест. Она просто стоит у тропинки, как старый пенёк, и ждёт. Хочешь — садись. Хочешь — иди дальше.

Если ты устал от «надо», от «правильно», от чувства, что за каждой ошибкой кто-то вздохнёт или скажет «можно было лучше» — выдохни.

Здесь можно не спешить.

Здесь можно ошибаться.

Здесь можно просто быть.

Лес Чудес не похож на сказки, где герои всегда побеждают, никогда не пачкают штаны и живут без единой царапины. Здесь все немного неуклюжее.

Заяц в очках без стёкол шутит не всегда смешно.

Медведь иногда жадничает мёдом.

Лиса долго думала, что жизнь нужно записывать в блокнот, пока не поняла: её нужно проживать.

А кошка в розовом платье падает в кусты не потому, что не умеет ходить. А потому что знает: земля всегда поймает.

И это нормально.

Я не буду учить тебя читать эту книгу. Только попрошу

тихо: не глотай главы, как лекарство. Остановись, если история отозвалась в груди. Улыбнись, если захотелось. Вспомни своё падение, которое ты до сих пор считаешь ошибкой. А может, это был просто танец, который ты ещё не разучил?

Эта книга не учит. Она напоминает.

Что пустой бочонок — не беда, а место для дружбы.

Что тишина — не отсутствие слов, а присутствие понимания.

Что быть рядом важнее, чем быть правым.

Лес Чудес не просит тебя становиться другим. Он ждёт тебя. Уставшего. Сомневающегося. С кривыми буквами в тетради, с пустыми карманами и с сердцем, которое иногда стучит в ритме тревоги.

Всё это здесь — не ошибки. Это детали твоей истории. И они уже достаточно хороши, чтобы быть рассказанными.

Перелистни страницу. Тропинка уже ждёт.

А если споткнёшься — не извиняйся. Просто подними глаза. Ты не один. Мы смеемся не над тобой. Мы смеемся с тобой.

Добро пожаловать. Лес открыт.

КНИГА ПЕРВАЯ. ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ СМЕЮТСЯ САМИ

ГЛАВА 1 ЧАЙНИК, КОТОРЫЙ СТАЛ ПОВОДОМ

Утро в Лесу Чудес началось с тихого посвистывания.

Кто-то забыл медный чайник на старом пне. Он кипел, выпуская густые клубы пара, которые лениво ползли сквозь кроны сосен. Лес казался огромным задремавшим паровозом.

Шустрик выскочил из куста ежевики, едва не споткнувшись о корень. Очки без стёкол съехали на самый кончик носа. Уши встали торчком — как две антенны, поймавшие сигнал тревоги.

— Пожар! — крикнул он так, что вороны сорвались с веток. — Горим! Спасайте мёд!

Мишка подпрыгнул. Бочонок вылетел из лап, кувыркнулся в воздухе и шлёпнулся Тимохе на голову. Мёд потёк по ушам, оставляя липкие дорожки на серой шерсти.

— Где?! — заревел медведь, хватая палку как щит. — Где горит?!

— Вон! — Шустрик ткнул ухом в небо. — Дым!

Шурочка высунулась из дупла. Блокнот раскрыт, перо наготове. Она вздохнула, но не стала записывать. Иногда достаточно просто посмотреть.

А потом из-за ежевики вышел звук.

Не треск. Не крик. А ровное, чуть усталое:

Пишии-ишии...

Все замерли.

Из кустов вышла кошка. Розовое платье, лента на ухе, в лапах — тот самый чайник. Она поставила его на пенёк, стряхнула с подола листья и сказала спокойно, будто только что вернулась с прогулки:

— Кто-то оставил огонь без присмотра.

— Это эксперимент! — тут же нашёлся Шустрик, хотя уши уже опускались. — По аэродинамике!

— По невнимательности, — поправила она. — Я Марианна. А вы, видимо, те, кто только что устроил панику из-за завтрака.

Она сделала шаг вперёд. Закрыла глаза. Расправила лапы — и закружилась.

Не для аплодисментов. Просто так, как дышат после долгого страха. Платье шуршало о траву, хвост рисовал в воздухе плавные восьмёрки. Каждое движение говорило: можно выдохнуть. Ничего страшного не случилось.

И в самый красивый момент — она споткнулась о корень. Хлоп. Кувырок. Горсть листьев.

Шустрик фыркнул. Потом засмеялся. Потом смеялся так, что слёзы выступили на глазах.

Не потому что было смешно. А потому что внутри, глу-

боко под рёбрами, разжался тугой узел, который он носил с самого утра.

Мишка поднял бочонок, вытер мёд с Тимохиного уха.

Шурочка закрыла блокнот. Ни одной записи.

Лес просто дышал.

Чайник на пне перестал свистеть.

Замечено: если кошка упала в куст, а лес засмеялся — значит, пожар был учебным. А смех — по-настоящему.

— Шурочка

Послесловие от Чайника

«Меня забыли на пне. Я кипел, злился, считал себя брошенным. А потом заяц закричал „пожар“, медведь подпрыгнул, а кошка упала в кусты — и я вдруг понял: я не ошибка. Я просто стал началом. Теперь я начинаю свистеть не от жара. От радости. P.S. Шустрик, если будешь ставить опыты — предупреждай. У меня нервы, как спираль. Тоже перегорают.»

ГЛАВА 2. ЛОВУШКА ДЛЯ ХИТРЕЦА

Шурочка захлопнула блокнот.

Звук сухо щёлкнул по поляне.

Шустрик в третий раз за утро гнал пчёл дымом. Он размахивал чайником, как знаменем.

— Аэродинамика! — кричал он.

Пчёлы гудели низко, недовольно. Мишка отряхивал мёд с носа. Тимоха молча чинил пружину самоката.

Шурочка не стала читать лекцию.

Она вышла за опушку, туда, где земля мягко проваливалась под прошлогодней листвой. Взяла палку. Начертила круг. Потом ещё один. Глубже.

К обеду яма была готова.

На дне — шляпа.

Над краем — нить, привязанная к пустому бочонку.

Вокруг — следы. Палкой. Угольком. И один — лёгкий, балетный.

На берёзе Шурочка вырезала когтем:

Только по приглашению. Шустрик НЕ приглашён

Шустрик появился, когда солнце уже клонилось к закату. Очки сползли на нос. Уши ловили ветер.

Он замер у надписи. Перечитал. Провёл когтем по буквам.
— Не приглашён, — пробормотал он.

И шагнул вперёд.

Нить натянулась. Бочонок качнулся. Хлоп.

Земля ушла из-под лап.

Он не крикнул. Просто осел на мягкое дно, подняв облачко пыли. Сверху упала шляпа. За ней — тишина.

На дне пахло прелой листвой и пустотой, которая не осуждала.

Шустрик потрогал землю. Она просто была.

Сверху упала шляпа. Потом — ни слова.

Только шорох травы, когда Шурочка опустилась на край. Она не протянула лапу сразу. Просто дышала с ним в одном ритме. И только когда его плечи перестали дрожать, достала из кармана сложенный листок.

Минуту спустя над краем склонились тени. Шурочка. Тихо.

— Ну? — голос Шурочки прозвучал глухо. Без триумфа. Скорее — вопрос.

Шустрик потёр колено. Посмотрел на шляпу в лапах. Потом вверх, на друзей. Губы дрогнули. Хотел отшутиться. Не вышло.

— Я думал, они смеются, — сказал он наконец. Тихо. — А они просто терпели.

Шурочка присела на корточки. Достала из кармана ли-

сток. Протянула вниз.

— Держись.

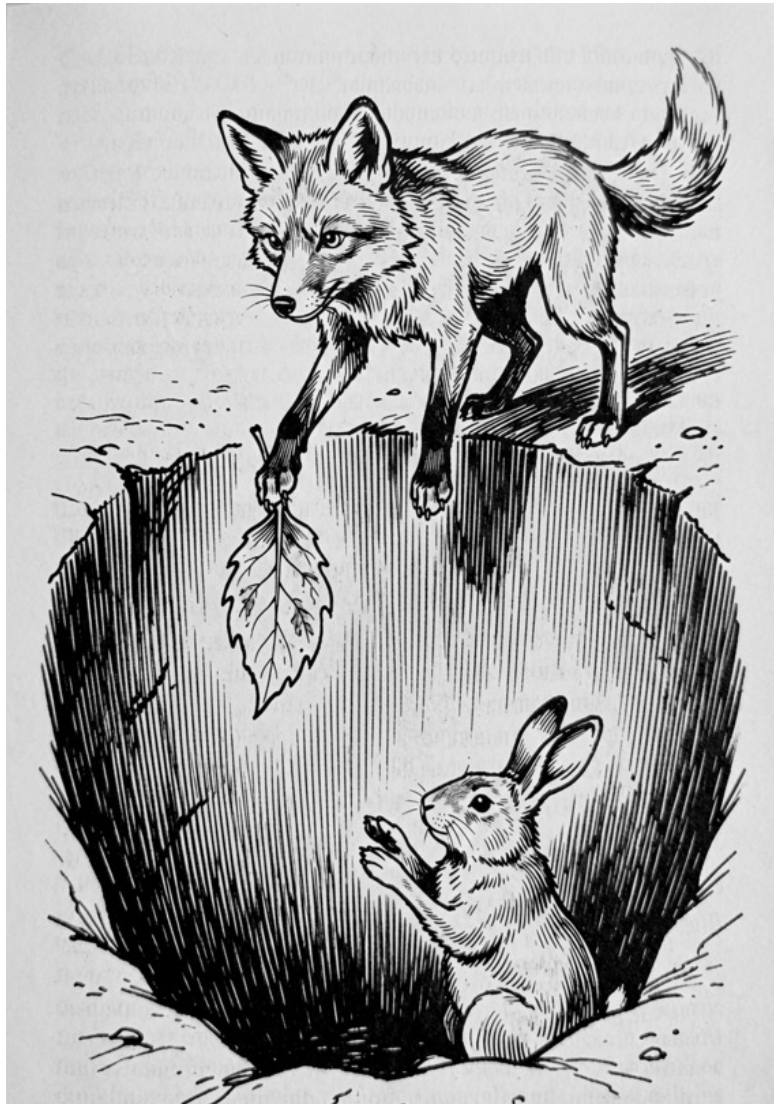
Он выбрался. Вытер землю с ушей. Очки поправились сами собой.

— Завтра, — сказал он, глядя в землю, — я спрошу. Прежде чем шутить.

Шурочка кивнула. Блокнот остался закрытым.

Замечено: если шутка падает в тишину — значит, пора спросить «можно?» прежде, чем прыгать.

— Шурочка

Послесловие от Ямы

«Меня вырыли не для клада. Для паузы. Когда он рухнул — я испугалась. Вдруг обидится? Вдруг засыплет? Но когда Шурочка протянула листок, а он не отшутился, а замолчал... я поняла: я не ловушка. Я — передышка. Без падения не бывает взлёта. Без ямы не бывает моста. Теперь я застелена мхом. Приходите. Иногда полезно посидеть на дне. Чтобы понять, где находится небо.»

ГЛАВА 3. ВЕЛИКАЯ ЛЕСНАЯ ВЕЛОГОНКА

— На старт! — скомандовала Шурочка, хлопнув липовым листком.

Шустрик рванул первым. Самокат взвизгнул. Флажки захлопали.

— Я — ураган! — кричал он, виляя на повороте.

Тимоха мчался следом. Но «Молния-3000» вдруг чихнула ржавчиной и встала. Колесо крутилось вхолостую, шурша по гравию.

Мишка катил на трёхколёснике из бочонка. Не спешил. Напевал что-то про мёд и терпение.

Шустрик, увлёкшись, не заметил кочку.

Самокат подпрыгнул. Вильнул. И плюхнулся в куст ежевики.

— Это называется «падение с достоинством», — поправила Шурочка, не отрываясь от блокнота.

— Это называется «слишком много ветра в ушах», — отозвался Шустрик из листьев.

Тимоха спрыгнул с самоката. Погладил раму. Та молчала.

— Она не сломалась, — сказал он. — Просто устала.

Никто не поехал дальше.

Шустрик вылез из куста, отряхивая колючки. Мишка остановил трёхколёсник. Поставил бочонок на траву. Колюша молча положил рядом кристалл. Свет упал не на финиш. На всех.

— Дальше? — спросил Шустрик, снимая очки.

— Потом, — сказал Тимоха.

Они сели в круг. Не на пни. На землю.

Дышали. Слушали, как скрипит дерево. Как ветер шевелит листья. Как где-то вдалеке смеётся птица, которой не нужно никуда успевать.

Флажок Шустрика не воткнули в землю. Положили рядом. Как подарок.

Замечено: если гонка закончилась в траве, а флажок лежит рядом — значит, все уже приехали. —
Шурочка

Послесловие от самоката «Молния-3000»

«Меня собрали из мечты и двух пружин. Тимоха любит меня. Я чувствую это через руль. В тот день я остановилась не потому, что сломалась. А потому что увидела: гонка — не главное. Главное — что Тимоха не бросил меня. Он толкал. Он дышал рядом. Теперь я стою у пня. Я не вожу. Я жду. Потому что знаю: однажды мы снова поедem. Или зазвучим. Главное — вместе.»

ГЛАВА 4. КОНКУРС ЛЕСНОГО ЮМОРА

На старом дубе с утра висела афиша.

Кривая. Прибита гвоздём, который чуть не угодил в шишку.

«ГРАНДИОЗНЫЙ КОНКУРС ЛЕСНОГО ЮМОРА!

Призы! Смех! Мёд! И рожки из бересты (почти настоящие)!»

Шустрик расхаживал перед пнём. Очки без стёкол — для солидности. Хвост — трубой.

— Сегодня мы докажем, — объявил он, стуча лапой, — что смех сильнее тишины!

— А мёд сильнее смеха, — проворчал Мишка, прижимая бочонок к груди.

— Ты в них хоть что-нибудь видишь? — спросила Шурочка, скрестив лапы.

— Вижу главное, — ответил Шустрик. — Что я — ведущий!

Из-за куста вышла Марианна. Платье розовое. Лента на ухе. Осанка — будто только что со сцены.

— Я выступаю последней, — сказала она. — Финал должен быть грандиозным.

— Как падение в куст? — уточнил Тимоха.

— Как пируэт на краю пропасти, — поправила Марианна.

— Замечено, — буркнула Шурочка. — Если говорят «грандиозно» — значит, уже придумали, как упасть.

Конкурс начался.

Первым вышел Мишка. Влез на пенёк. Кряхнул.

— Почему медведь не любит математику?

Пауза. Лес молчал.

— Потому что каждый раз получается... мёд!

Он показал лапу. Липкую. Сияющую.

Пчёлы зашевелились. Кто-то фыркнул.

— Это называется «шутка с последствиями», — сказала Шурочка.

Второй вышла Шурочка. Открыла блокнот. Сделала паузу.

— Замечено: если долго смотреть в глаза Шустрику, можно потерять веру в разум и понимание времени.

Лес замер. Потом взорвался смехом. Даже сосны зашуршали.

— Научный юмор, — кивнула Марианна.

— Справедливость, — поправил Тимоха.

Шустрик фыркнул.

— Ну и где тут шутка?

— Ты и есть шутка, — ответила Шурочка.

Третьим был Тимоха. Поправил шляпу. Вышел с самокатом.

— Волк пошёл в парикмахерскую: «Сделайте причёску, как у пчелы!»

— И что? — спросил Шустрик.

— Ему постригли только одну сторону.

Смех был тише. Но честный.

— Шутка с намёком, — сказала Марианна.

— А я не знал, — вздохнул Шустрик. — Это плохо.

Четвёртым вышел Колюша. Молча. Положил на пенёк кристалл. Тот засветился — тихо, мерцающе, как звёзды в пещере.

— Это... не шутка, — сказал Шустрик.

— Это молчание, которое смеётся, — ответила Марианна.

— Оно говорит: «Я здесь. Я видел тьму. И всё равно светлюсь».

Пчёлы замерли. Потом зашевелились крыльями. Не в ритме вальса. В ритме облегчения.

— А теперь, — сказала Шурочка, закрывая блокнот. — Тишина.

Шустрик открыл рот. Хотел объявить финал. Но слова застряли.

— Я думал, если смешно — значит, хорошо, — сказал он наконец. Тихо. — А если нет — значит, я старался зря.

Он опустил взгляд.

— Я не спрашивал. Просто бросал слова. Ждал моста. А получил стену.

Лес молчал. Не осуждая. Слушая.

— Простите, — сказал Шустрик.

Не как ведущий. Как заяц, у которого уши дрожат не от восторга, а от страха быть не услышанным.

И тогда кто-то засмеялся. Не громко. Не по команде. Будто выдохнул то, что давно копилось.

Потом ещё кто-то. Потом пчёлы.

А на дне бочонка, среди остатков мёда, лежала розовая лента. Не как трофей. Как напоминание.

Что смех не нужно заслуживать. Его нужно разрешить.

Шустрик снял очки. Положил на траву.

Лес выдохнул. И засмеялся. По-настоящему.

Замечено: если после шутки все замолчали, а потом выдохнули — значит, мост построен.

— Шурочка

Послесловие от Бочонка с Мёдом

«Я храню сладость. Но в тот день я спас ещё и тишину. Было липко. Было тесно. Но когда лес выдохнул — я почувствовал вибрацию. Оказывается, быть пустым — это тоже искусство. Теперь меня моют бережнее. И иногда, когда никто не видит, я оставляю капельку мёда на краю. Для тех, кто нуждается в сладком утешении. P.S. Шустрик, если будешь шутить — предупреждай. У меня крышка и так не закрывается от смеха.»

ГЛАВА 5. НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

В тот день на поляну вышел незнакомец.

В длинном пальто, с чемоданом в лапе и треногой через плечо. Усы — как у старого профессора. Взгляд — как у фотографа, который ищет кадр.

— Добрый день, — сказал он тихо. — Я Бородач.

Будто боялся спугнуть тишину.

— Какой такой Бородач! — выскочил из-за куста Шустрик. — У тебя же нет бороды!

— Фамилия такая, — ответил тот. — А не инструкция по уходу.

Шурочка высунулась из дупла. Блокнот уже в лапах. Хвост напрягся, как антенна.

— Я хроникёр, — пояснил Бородач, раскладывая треногу.

— Записываю истории тех, кто делает мир ярче.

— А мы такие? — спросил Тимоха, поправляя шляпу.

— Вы — первые, кто танцует, чтобы спасти мёд, — кивнул Бородач. — Это уже легенда.

— Это был эксперимент! — возмутился Шустрик. — Я проверял, можно ли плавать в мёде!

— Можно, — буркнул Тимоха. — Вылезать — уже нет.

Бородач достал камеру. Навёл объектив. Щёлк.

Ещё раз. Щёлк.

Он снимал всё: как Шустрик падает в куст, как Мишка облизывает бочонок, как Колюша разговаривает с грибами.

Но когда он направил камеру на Марианну — во время тихой репетиции — она остановилась.

— Стоп, — сказала она, не открывая глаз. — Вы нарушаете момент.

— Я сохраняю его, — ответил Бородач. — Искусство — это наука о красоте.

— Это называется «вторжение», — тихо сказала Шурочка. — А не хроника.

Настоящий поворот случился позже.

Бородач нашёл Шурочку у ручья. Она сидела молча. Блокнот лежал рядом, закрытый.

— Почему не записываешь? — спросил он.

— Потому что иногда нужно просто чувствовать, — ответила она, глядя на воду. — А не фиксировать.

— Но это против правил.

— А это — против жизни.

Камера была тяжёлой. Привычной. Как щит.

Бородач опустил её на траву. Палец застыл на спуске.

Вспомнился кадр, который он не снял: как Шурочка смеялась не в блокнот, а в небо.

Он отпустил ремень. Металл коснулся мха.

И впервые за годы он посмотрел не через стекло. А сквозь него.

Он замер. Медленно опустил камеру. И впервые за долгое время посмотрел не через стекло. А своими глазами.

На следующее утро он не снимал. Просто стоял на поляне. Держал в лапах фотографию, которую подарила ему Шурочка.

На ней — все они. Смеющиеся. Не по позе. По-настоящему.

— Спасибо, — сказал он. — Теперь я понял: я не хрони-

кёр. Я — участник.

— Тогда ты уже не гость, — улыбнулась Марианна. — Ты — свой.

С тех пор Бородач остался. Камера всё ещё была в доми-ке. Но доставал он её редко. Чаше — просто сидел на пне. Слушал. Смотрел.

И когда Марианна падала — он не щёлкал. Смеялся. И помогал встать.

На двери появилась табличка:

Бородач. Хроникёр чувств. Вход — по улыбке.

Замечено: если кто-то пришёл с камерой, но ушёл с улыбкой — значит, он не просто наблюдал. Он стал частью истории.

— Шурочка

Послесловие от Камеры Бородача

«У меня есть объектив. Затвор. Плёнка. Но Бородач научил меня другому. Раньше я ловила моменты. Теперь я храню чувства. Когда я щёлкаю, я не забираю время. Я останавливаю его, чтобы друзья могли перевести дух. Моя лучшая фотография — та, которую не проявили. Та, что осталась в глазах Бородача, когда он смотрел на друзей без меня. P.S. Если будете проходить мимо — не смотрите в объектив. Смотрите друг на друга. Объектив холодный. А глаза — тёплые.»

ГЛАВА 6. КАК ШУСТРИК УСТРОИЛ СНЕЖНУЮ БУРЮ... СЛУЧАЙНО

Зима в Лесу Чудес обычно приходила тихо.

Сосны надевали белые шапки. Ручьи засыпали под стеклом. Ветер ходил на цыпочках.

Но Шустрик не умел ходить на цыпочках.

— Зима — не повод прятаться! — объявил он, стоя на сугробе в шапке-морковке. — Это время для нейро-фолк-снежа!

— Опять? — вздохнула Шурочка, уже открывая блокнот.

— На этот раз — идеально!

Шустрик бросил в кучу батарейку, магнит, дырявый чайник и шарик с надписью «Не отпускать!».

— Запуск!

Чайник зашипел. Шарик лопнул.

И небо вдруг решило стать пирожным.

Снег повалил стеной. Через пять минут тропинок не стало. Самокат Тимохи исчез. Даже Мишка пропал.

— Это не буря, — сказала Шурочка, отряхивая блокнот.

— Это хаос с научным обоснованием.

— Я хотел красиво! — кричал Шустрик из сугроба.

— Красиво, — сказала Марианна, появляясь из-за снежной стены. — Но Мишку нужно найти.

Они пошли искать.

Шурочка — с лупой.

Тимоха — со шляпой.

Колюша — с картой.

Марианна — с лентой.

Нашли Мишку под старым пнём. Он спал, обняв бочонок.

— Не будите, — сказала Шурочка. — Он зимует. Мёд и тишина — внутри.

— А бурю переживать как? — спросил Шустрик.

— Вместе.

И все сели в круг. Не ждали чуда. Стали им.

Тимоха поставил самокат как щит. Колюша проложил путь к тёплым корням. Шустрик расчищал снег лапами до красных подушечек. Шурочка не записывала. Она просто грела блокнот у груди.

А Марианна начала напевать. Тихо. В такт ветру.

И тут — поскользнулась на обледенелом корне.

Хлоп. Упала не в куст. Просто на землю. Рядом с друзьями.

— Это называется... приземление в общую работу, — донеслось из-под снега.

Шустрик протянул лапу.

— Спасибо, что не ушла.

— Я и не собиралась, — улыбнулась она.

К утру ветер стих. Не потому что его победили. А потому что ему больше нечего было нести.

Мишка открыл глаза.

— Без друзей зимовка — никак.

Шустрик стоял с опущенными ушами.

— Я просто хотел, чтобы было красиво.

— Было, — сказала Шурочка. — Но слишком красиво для одного. В следующий раз спроси: «А вы как?»

— А можно сначала уронить шляпу? — спросил Тимоха.

— Только не на голову Мишке.

На двери лаборатории появилась табличка:

Шустрик. Эксперименты. Только с разрешения. И под присмотром.

Замечено: если снег идёт не с неба, а с пня — значит, кто-то включил «нейро-фолк-снеж». А если он утих без танца — значит, тепло сильнее ветра. Особенно когда оно делится лапа к лапе. — Шурочка

Послесловие от Снежинки

«Нас создали быстро. Шумно. С помощью чайника. Мы хотели быть просто снегом. Лёгким. Пушистым. Но когда они начали копать, мы поняли: мы — не буря. Мы — повод собраться. Мы падали не хаотично. Мы падали на тех, кто уже держался за лапы. Теперь, когда я таю на тёплой шёрстке, я не исчезаю. Я становлюсь водой. Чтобы летом напоить цветок. Всё имеет смысл. Даже ошибка, которая стала поводом обняться. P.S. Шустрик, в следующий раз запускай нас с балкона. А то я устала падать на уши.»

ГЛАВА 7. С ДНЁМ МЕДОВИНЫ, МИШКА!

Весна вернулась не с грохотом. С тихим шуршанием.

Будто земля медленно разворачивала свёрток, перевязанный прошлогодней листвой.

— С праздником, Мишка! — выскочил из-за куста Шустрик в шапке из одуванчиков. — Поздравляем, что ты... просто есть!

— Это не поздравление, — вздохнула Шурочка, но уже улыбнулась. — Замечено: если заяц говорит «поздравляем с тем, что ты есть» — значит, он уже проголодался.

Мишка не обиделся. Он сидел на пне, обняв бочонок, как самое дорогое.

— Спасибо, — буркнул он. — А угощение уже готово?

На поляне собрались все. Пчёлы. Сова Бубо. Ёжики с грибами. Даже старый дуб прислал ветку — в знак уважения.

Начались конкурсы.

«Липкая лапа» — победил Мишка (он просто облизал).

«Пчелиный танец» — победила Марианна.

«Кто не уронит баночку» — Шустрик уронил три. Шурочка — ни одной.

Но главное случилось позже.

Мишка обхватил крышку бочонка. Она не поддавалась. Не от тяжести. От страха: вдруг внутри — пустота? Вдруг никто не скажет «спасибо»?

Он поднял лапу. Медленно.

Крышка дрогнула.

Золотая струя блеснула не как приз. Как приглашение.

— Берите, — сказал он. — Не за заслуги.

А просто потому что вы здесь.

Никто не бросился вперёд. Подошли по одному. Шурочка. Тимоха. Колюша. Даже пчёлы опустились на край бочонка — не за мёдом, за тишиной.

Марианна не падала. Она стояла рядом. Просто смотрела.

Замечено: если медведь открывает бочонок не для аплодисментов, а для тишины — значит, праздник удался. — Шурочка

Послесловие от Цветка

«Мишка не танцевал. Не падал. Просто открыл крышку. И я понял: иногда самое красивое движение — то, которого нет. Когда крышка снимается медленно. Когда лапы тянутся не жадно. А бережно. Теперь, когда я распускаюсь, я жду не шагов. А тишины. Потому что в ней растёт настоящее.»

ГЛАВА 8. ТЫКВА, КОТОРАЯ СВЕТИЛАСЬ ИЗНУТРИ

Утро на огороде началось не с граблей. С чашки чая.

Тимоха сидел на корточках, поливал грядку тёплой жидкостью и бормотал:

— Доброе. С бергамотом. И чтобы ты росла умной.

На грядке стояла тыква. Не просто большая. Не просто оранжевая. Она светилась. Мягко, ровно. Будто внутри спряталось маленькое солнце.

— НЛЮ! — выскочил из-за забора Шустрик. — Неопознанный Лесной Объект! Эксперимент №47: «Тыквенная телепатия»!

— Это тыква, — сказала Шурочка. — Но не простая. Она ждёт.

Тимоха подошёл ближе. Лапа дрожала.

— Если ты меня понимаешь... мигни раз.

Тыква мигнула.

— Она ответила! — выдохнул он. — Она чувствует!

Тогда все начали по очереди.

Мишка сел на корточки:

— Знаешь... мёд бывает грустным. Если его едят в одиночку.

Тыква засветилась ярче.

Шурочка молча положила рядом листок. Не стала читать. Просто оставила.

Колюша вышел из тени. Положил кристалл. Свет тыквы отразился в нём. Два света. Между ними — ничего. Только понимание.

Марианна сделала реверанс.

— Спасибо, что ты здесь. Не за плоды. За то, что ты — есть.

Тыква вспыхнула так ярко, что все зажмурились.

— Это овации! — догадался Шустрик.

— Это благодарность, — поправила Марианна. — Овации шумят. Благодарность — светит.

Тимоха просто сел рядом. На землю.

— Я рад, что ты моя. Хотя... ты не моя. Ты — своя. А я — просто рядом.

Тыква мигнула трижды.

— Что это значит? — спросил Мишка.

— Это значит «спасибо», — сказал Тимоха.

С тех пор в Лесу Чудес появилась традиция. Каждое утро кто-то приходил к тыкве. Не поливать. Не удобрять. А разговаривать.

Однажды утром Шустрик пришёл один. Без очков. Без идей.

— Мне страшно, — сказал он. — Вдруг я снова всё испорчу?

Тыква молчала. Просто светилась.

— Ты не отвечаешь, — сказал Шустрик. — Потому что знаешь: ответ в том, чтобы спрашивать.

Тыква мигнула. Один раз.

Весной на том месте выросло три ростка. Маленьких. Зелёных. Светящихся.

— Это её дети? — спросил Шустрик.

— Это её продолжение, — сказала Шурочка. — Когда кто-то научил тебя слушать — ты становишься таким же.

Замечено: если растение светится без лампочки — значит, его кто-то просто по-честному спросил: «Ты как?»

— Шурочка

Послесловие от Тыквы

«Меня поливали чаем. С тимьяном. Говорили «доброе утро». Я отвечала всегда. Просто они не умели слушать. Теперь я свечу не от солнца. От голосов. От шёпота. От тишины, которая стала громче крика. Весной я поделилась семенами. Не чтобы размножиться. Чтобы не было одиноко.

Теперь нас трое. И каждая ждёт. Не урожая. А разговора. P.S. Шустрик, если будешь запускать эксперименты — ставь чайник подальше. А то я боюсь, что ты снова перепутаешь пар с моим дыханием.»

ГЛАВА 9. ТИМОХА БЕЗ САМОКАТА

(или Как молчание стало музыкой)

У «Молнии-3000» было три колеса.

Два крутились. Одно — моральное. Оно не вращалось, но всегда указывало, куда ехать, чтобы совесть была чиста.

На руле Марианна лаком для ногтей вывела: *«Не трогать! (Если ты не Тимоха)»*.

Тормоз срабатывал, только если вежливо попросить.

Но главное — он был голосом Тимохи. Пока Шустрик кричал шутками, а Мишка гудел мёдом, Тимоха ехал. Шуршание шин, стук спиц, ветер в ушах — этого хватало, чтобы сказать: *«Я здесь. Я еду. Я — часть этого леса»*.

Но однажды утром «Молния» не отзывалась.

Не чихнула ржавчиной. Не гуднула рамой. Просто уперлась передним колесом в корень. Будто решила: *«Хватит быть фоном. Сегодня я — памятник»*.

— Что с ней? — закрутился вокруг Шустрик, создавая собственный ветер. — Может, ей смазки? Может, мёду? Может, она обиделась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.